

СЛОВА И СЛОВЕЧКИ

Неправы те, кто пытается понять Горького так, что отныне язык наших романов, новелл, пьес должен быть абсолютно свободен от характерных выражений. Одно дело, когда драматург кокетничает, от озорства ли, от отсутствия ли вкуса, от художественной ли беспомощности, всякими броскими словечками, непонятными, дико звучащими, а для актера кроме того и трудно произносимыми. Но совсем другое дело — умелое пользование местными характерными словами и оборотами. Разве Бабелю, выдающемуся писателю, одному из первых, широко использующему в своих рассказах и пьесах одесские обороты, акценты и слова, кто-нибудь из нас может бросить упрек в порче русского языка? «Одессизмы» Бабеля увеличивают выразительность, характерность, значимость языка каждого его действующего лица.

В работах над пьесами советского репертуара (Афиногенова, Караваевой, бр. Тур, Ив. Кочерги и др.) наш театр очень много внимания уделял внутреннему ритму речи каждого действующего лица. Поясню это небольшим примером. В пьесе Кочерги «Часовщик и курица», коммунистка Лида говорит, обращаясь к ребенку: «Иди к своему папе, дитя мое». Реплика с точки зрения стилистической построена безупречно. Но в режиссуре она показалась неверной: так могла бы сказать героиня Тургенева. Для революционерки Лиды такие речевые обороты не характерны, и мы авторский текст здесь изменили. Другой пример из той же пьесы. Лиде, жалующейся на то, что она разошлась с любимым, что у нее нет ребенка, Таратута говорит: «Ничего, ничего это частный случай». Мы эту реплику отняли от Таратуты и внесли в текст Лиды. Мы решили, что у этой женщины, хотя и очень сильно

любившей, все же хватит сил победить свое горе.

Характерность образа вовсе не заключается в характеристике, сформулированной автором и втиснутой в то или другое место текста. Очень часто бывает, что эти характеристики, детально продуманные драматургом, часто не доходят до зрителя. А вот в «Закате» Бабеля роль Двойры (которую я исполнила) состоит всего из восьми-десяти коротких реплик. Но уже с первой произнесенной фразы я почувствовала, как эту роль «подхватывает» зрительный зал. Эти десять реплик рассказывают о жизни Двойры гораздо больше, чем любая авторская характеристика в нескольких длинных монологах. И поэтому эта роль стала в какой-то степени этапной в моей актерской работе.

Роль предзаавкома Ганджумовой в пьесе бр. Тур «Земля и небо» была трудной и неблагоприятной. В моем распоряжении было несколько случайных, бесформенных реплик, без подоплеки, без опоры, без всякого ощущения целостности человеческой жизни.

Когда наши драматурги создают образ положительного героя, они должны знать и помнить об одном — только тогда дойдут до зрителя мысли автора, когда эти мысли явятся результатами подлинного изучения нашей действительности и ее героев. Если агрономы скрещивают шведицу с рожью, чтобы на севере получить незамерзающие сорта, то пусть драматурги скрещивают мысли героев с их чувствами, с их волей, с их энергией и жизнью. Тогда нельзя будет говорить о банальности, потому что нет места банальности там, где есть живая жизнь. И слова появятся тогда в наших пьесах точные, выразительные, незаменимые.